

Яков Михайлович Захер

ПРОБЛЕМА «ТЕРМИДОРА»

В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РАБОТ¹

Историк-марксист, 1927. Т.6. С.236-242

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Историку, изучающему использование аналогий с давно прошедшими временами для целей текущей политической борьбы было бы, по всей вероятности, чрезвычайно трудно, или невозможно найти более яркий пример явления, нежели имеющий место в настоящее время в связи с разговорами о «термидоре». С легкой руки покойного Мартова и небезизвестного профессора Устрялова, впервые заговоривших о «термидоре» еще в 1921 году, в связи с нашим переходом к НЭПу, попытки применения в отношении к нашей революции аналогий с Великой Французской Революцией сделались излюбленным аргументом всех наших классовых врагов — от монархистов до меньшевиков включительно. А с 1925 года лозунг «термидора», заимствованный у Устрялова сперва «ленинградской», а затем объединенной оппозицией внутри нашей собственной партии, сделался одним из ее главнейших доводов в борьбе с большинством ВКП(б) и пошел гулять по миру, широко подхваченный всеми противниками коммунизма и советской власти. Начиная от белогвардейских «Руля» и «Последних Новостей» и кончая печально знаменитым «Знаменем Коммунизма», все враждебные СССР и Советской власти газеты кричат о «термидорианском перерождении» ВКП(б) и Коминтерна и пророчат Советской власти бесславную участь превращения в кулацкую, а то даже и просто буржуазную, власть.

Само собой понятно, что при таком значении «термидора», историческая проблема о подлинном значении этого понятия теряет свой академический характер и становится одной из актуальнейших проблем современности. В настоящем обзоре мы попытаемся, конечно, лишь в самых общих чертах, изложить основные теории, существующие в новейшей научной литературе по вопросу о «термидоре» и «термидорианском перерождении», имевших место в эпоху Французской Революции. При этом мы заранее оговариваем, что совершенно оставляем в стороне, как достаточно освещенный в наших политических газетах и журналах, вопрос возможности проведения каких бы то ни было аналогий между нашей пролетарской революцией и великой буржуазной революцией конца XVIII века. Говоря сейчас о «термидоре», мы будем иметь ввиду одно только историческое понятие «термидора» и поэтому будет вполне естественным, что мы в нашем обзоре коснемся одних только научных работ, совершенно оставляя в стороне все вышедшие за последнее время публицистические статьи и заметки по данному вопросу. Мы полагаем, что и такой, чисто исторический подход к проблеме «термидора» не лишен живейшего актуального интереса.

Если попытаться кратчайшим образом формулировать основной вопрос, возникающий в современной исторической науке при изучении термидорианской проблемы, то вопрос этот можно выразить так — было ли термидорианское перерождение причиной или следствием 9-го термидора или иначе: был ли «термидор» эволюцией или революцией? В то время как для историков доброго старого времени катастрофический (катастрофический не в смысле оценки, ибо для огромного большинства буржуазных историков переворот 9-го термидора казался явлением глубоко положительным, а в смысле его формы, то-есть насильственного характера) характер «термидора» стоял вне всякого сомнения, в некоторых новейших трудах по истории Французской Революции встречается попытка изобразить термидорианское перерождение якобинцев как результат медленной

¹ Редакция считает некоторые исторические положения автора дискуссионными.

и постепенной эволюции, начавшийся при этом еще до переворота 9-го термидора. Не отрицая, конечно, насильственного характера этого переворота, некоторые новейшие историки склонны крайне преуменьшать его значение и утверждать, что политика Конвента после казни Робеспьера ничем почти не отличается от политики робеспьеристского правительства в последние месяцы его существования. Тем самым переворот 9-го термидора представляется в качестве какого-то случайного и даже маловажного события, и создается возможность говорить о «термидоре до термидора».

Именно эта точка зрения выражена в последней работе одного из лучших современных знатоков истории Французской Революции — Альберта Матьеза — в его книге „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“

Изучая продовольственное законодательство весны 1794 года и отмечая несомненно имевшее место в это время смягчение практики применения закона 26-го июля 1793 года о борьбе со спекуляцией и закона 29-го сентября 1793 года о максимуме, Матьез объясняет это явление последовавшим перед тем разгромом эбертистов¹ и отмечает, что оно было произведено в интересах крупных торговцев², которые по его словам «должны были почувствовать себя удовлетворенными „les commerçants durent se sentir à l'aise“³. Матьез рассматривает смягчение продовольственного законодательства, как «экономическое отступление»⁴, и усматривает в этом аналогию с «новой политикой, проведенной в России Лениным после подавления восстания кронштадских моряков»⁵.

Равным образом рассуждает Матьез и практику весны 1794-го года по вопросу о максимуме заработной платы. Указывая, что рабочим накануне введения закона о максимуме удалось несколько повысить свою заработную плату⁶, и неоднократно подчеркивая, что «в эпоху террора даже самые якобинские по внешности муниципалитеты находились в руках владельческих классов»⁷, Матьез все же полагает, что в эпоху могущества эбертистов рабочим все-таки удавалось нарушать максимум заработной платы⁸. Между тем, после разгрома эбертистов, картина, по словам Матьеза, решительно изменилась. Строго настаивая на соблюдении закона Ле-Шапелье⁹, робеспьеристские Комитеты Общественного Спасения и Коммуна вместе с тем угрожают бастующим рабочим рассматривать их, как подозрительных¹⁰, в силу чего положение рабочего класса в это время несомненно ухудшается. Если раньше на фактическое несоблюдение закона о максимуме цен на предметы первой необходимости рабочие могли отвечать отказом соблюдать максимум заработной платы, то с победой робеспьеристов над их противниками слева возможность эта, по мнению Матьеза, в значительной степени отпадает¹¹. Именно этим объясняется, что в день 9-го термидора рабочие сохранили нейтралитет и казнь Робеспьера и его соратников приветствовали возгласом „...maximum“¹².

Таким образом по Матьезу получается, что перелом в политике якобинцев относится вовсе не к 9-му термидору, а ко времени падения эбертистов. Именно с этого момента якобинцы круто поворачивают в своей политике направо, в сторону крупной буржуазии и кулацкого крестьянства. Таким образом, то, что обычно понимают под «термидорианским перерождением» относится Матьезом ко времени, на несколько месяцев предшествующему перевороту 9-го термидора, и этот переворот становится каким-то случайным и исторически неоправданным событием.

Точка зрения Матьеза не осталась чуждой целому ряду советских историков. Так, наряду с К. П. Добролюбским, без всяких оговорок повторяющим изложенные выше положения Матьеза¹³, этого же взгляда придерживается и Ц. Фридянд, по мнению которого «с весны 1794-го года имущая часть мелкой буржуазии (то-есть робеспьеристы. Я. З.), которая в феврале 1793-го года

¹ A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p.p. 566, 599.

² Ibid., p.p. 567, 569.

³ Ibid., p. 565.

⁴ Ibid., p. 567.

⁵ Ibid., p. 567.

⁶ Ibidem, p. 585.

⁷ Ibidem, p. 586.

⁸ Ibidem, p.p. 586, 588, 589.

⁹ Ibidem, p. 590.

¹⁰ Ibidem, p.p. 590, 591, 592.

¹¹ Ibidem, p. 589.

¹² Ibidem, p.p. 605, 606.

¹³ К. П. Добролюбский. «Новая экономическая политика термидорианского Конвента». Отдельный оттиск из «Записок Одесского Института Народной Освіти». т. I. Стр. 4—5.

взяла на себя инициативу блока с народными трудящимися массами, ищет теперь союза с окрепшей торгово-промышленной буржуазией Франции против крайности слева»¹. Впрочем, для Ц. Фридлянда эта точка зрения совершенно естественна. В самом деле, поскольку он полагает, что «в июне—июле (1793 г. Я. З.) политика якобинцев была строго буржуазной, хотя и не в жирондистском смысле этого слова, и что только в дальнейшем, под давлением различных причин, в обстановке гражданской войны, она приняла характер мелко-буржуазной диктатуры»², совершенно ясно, что как только эти причины исчезли, якобинцы от политики мелко-буржуазной, бывшей для них лишь политикой вынужденной, снова перешли к их исконной политике, то-есть политике крупно-буржуазной. Именно это, по мнению Ц. Фридлянда, и случилось весной 1794-го года.

Эта же самая мысль выражена в статье П. П. Щеголева «К характеристике экономической политики термидорианской реакции»³. По мнению П. П. Щеголева, неоднократно им подчеркиваемому⁴, якобинский режим еще весной 1794 года переживает социальный сдвиг вправо⁵, вследствие чего «прекращение террора⁶ и падение Робеспьера ничуть не отразились на политике Комитета (Общественного Спасения. Я. З.), еще с весны 1794-го года направленной на поддержку имущих слоев крестьянства»⁷. Равным образом относится это и к сдвигу в сторону крупной буржуазии, и, анализируя, например, ряд законов осени 1794 года, в которых «покровительство отдельным видам текстильной промышленности идет рука об руку с защитой потребительских интересов зажиточной буржуазии», П. П. Щеголев тут же отмечает, что «и в этом случае исходная точка послаблений и отступлений определились еще в эпоху Робеспьера»⁸.

Таким образом, говорит П. П. Щеголев в конце своей статьи, «нам удалось установить строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры. Исходные пункты целого ряда «реакционных» мероприятий нужно отодвинуть далеко за пределы грани, образуемой переворотом 9-го термидора, ближе к весне 1794-го года. Процесс социального перерождения и начало социальных сдвигов в значительной степени восходят ко времени диктатуры «неподкупного». Под внешней оболочкой господства Робеспьера зарождаются и вызревают тенденции, получившие свое полное развитие к самому концу 1794 года» (Курсив наш. Я. З.)⁹.

Мы полагаем, что точка зрения Матьеза и его единомышленников из среды советских историков нами теперь в достаточной степени выяснена. Толкуя ряд изданных весной 1794 года декретов, как поворот робеспьеристов в сторону крупной буржуазии и кулацкого крестьянства, они на этом основании считают, что начало так называемого «термидорианского перерождения» относится ко времени не после, а до 9-го термидора. Но тогда возникает вопрос, чем же в таком случае объяснить переворот, объективные задачи которого были уже осуществлены еще до того, как этот переворот произошел?

К сожалению, на этот, казалось бы, более чем острый вопрос, вопрос ни Матьез, ни Добролюбовский, ни Щеголев не только ничего не отвечают, но и вообще этого вопроса не ставят. Что же касается до Ц. Фридлянда, то он отделяется от него мало-значущей фразой: «Зачем нужен был мелко-буржуазный революционер и демократ-республиканец буржуазии после победы революции, тем более, что честь и нравственность были знаменем Робеспьера?»¹⁰. Мы полагаем, что этот ответ ровно ничего не говорит. Относительно же разговоров о чести и нравственности всякому марксисту известно, что они для того времени были лишь привычной фразеологией, скрывавшей под своей оболочкой вполне реальное классовое содержание в духе мелкой буржуазии. Что же ка-

¹ Ц. Фридлянд. «Переписка Робеспьера». «Историк-Марксист», том 3, стр. 89.

² Ц. Фридлянд. «Классовая борьба в июне-июле 1793 г.», «Историк-Марксист», том I-й, стр. 95. Ср. там же, стр. 50, 61, 62, 74, 82, 83, 94 и «Историк-Марксист», том II, стр. 160, 167, 168, 177.

³ П. П. Щеголев. «К характеристике экономической политики термидорианской реакции». «Историк-Марксист». Том 4-й.

⁴ Там же, стр. 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 88, 91, 92, 100.

⁵ Там же, стр. 74.

⁶ Отметим мимоходом, что переворот 9-го термидора означал отнюдь не прекращение террора, а лишь замену террора красного террором белым.

⁷ П. П. Щеголев. Цит. статья, стр. 76.

⁸ Там же, стр. 81.

⁹ Там же, стр. 100.

¹⁰ Ц. Фридлянд. «Переписка Робеспьера». «Историк-Марксист», том 3-й, стр. 89.

сается личности Робеспьера, то является совершенно непонятным, почему крупная буржуазия не могла использовать этого «мелко-буржуазного революционера» точно так же, как она в свое время использовала гораздо более левого террориста Фуше и вообще «левых термидорианцев» или такого же мелкого буржуа Наполеона Бонапарта? Да и более чем странно предполагать, что необходимость свержения какой бы то ни было личности, могла сама по себе оправдать необходимость такого переворота, каким был переворот 9-го термидора. И мы полагаем, что, характеризуя изложенную выше теорию дотермидоровского перерождения уместно будет вспомнить здесь слова Н. И. Бухарина, сказанные им в его полемике с проф. Устряловым: «Какой приглаженной¹, какой ровной выступает перед нами история французской контр-революции! Каким гладким, почти идиллическим оказывается «путь термидора». Казнь Робеспьера — маленькая деталь, случайность, почти «ошибка» истории!

«... Он (то-есть Устрялов. Я. З.) не понимает (или не хочет понять), что термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и «подготовленным» всем предшествующем развитием) падением мелкого буржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контр-революции. Г-н Устрялов не заметил этой «малости». Хорош анализ! Хороши выводы из него!»²

Несостоятельность теории о «термидоре до термидора» настолько ясна, даже ее собственным сторонникам, что наиболее видный из них, а именно Альбер Матьез, одновременно и параллельно³ с ней выработал и другую, абсолютно ей противоположную теорию «термидора». Эту вторую теорию Матьеза можно найти как в уже цитированной нами его книге «La vie chère et le mouvement social sous la Terreur», так и в вышедших одновременно с ней (в начале 1927 г.) III-м томе его «Французской Революции»⁴ и небольших статьях в журнале *Annales Historiques de la Révolution Française*.

В основе этой второй теории Матьеза лежит анализ декретов 8 и 13 вантоза (26-го февраля и 3-го марта 1794), предписавших раздел имущества «лиц, признанных врагами революции» между всеми «неимущими патриотами»⁵. «Слишком поздно поняв,—говорит по этому поводу Матьез в своей „Vie chère“,— что спасение революции лежит лишь в решительной классовой политике, Сен-Жюст, Робеспьер и Кутон, представлявшие в своем лице наиболее демократическую часть правительства, заставили принять законы 8 и 13 вантоза, обещавшие неимущим санкюлотам имущества подозрительных, признанных врагами революции. Этим путем за счет экспроприации внутренних роялистов был бы создан класс, всем обязанный Революции и составивший бы ее будущее. Но вантозовские декреты натолкнулись на глухое сопротивление и нарочитую инертность Комитета Общей Безопасности и большинства членов Комитета Общественного Спасения. До того, как эти законы смогли быть осуществлены, «триумvirат» был свергнут переворотом 9-го термидора, осуществленным странной коалицией, в которой соединились наиболее противоположные элементы, объединенные однако общей боязнью террора и социальной революции и надеждой на лучшее будущее» (Курсив наш. Я. З.)⁶.

То же самое говорит Матьез в одной из своих статей „Annales Historiques“⁷ и в третьем томе своей Французской Революции⁸ с той только разницей, что здесь более четко отмечает, что целью вантозовских декретов было осуще-

¹ Любопытно отметить, что даже такой матерый историк буржуазии, как Louis Bartou (нынешний министр юстиции в кабинете Пуанкаре), в своей книге „Le neuf thermidor“, вообще говоря, лишенной определенной точки зрения и лишь излагающей факты, и тот отмечает, что переворот 9-го термидора был „не только переменой: это была революция в ходе Революции“ (Louis Bartou. „Le neuf thermidor“, p. 124).

² Н. Бухарин. „Цезаризм под маской революции“, стр. 26-27.

³ Эта полная беззаботность и небрежность по части теории исключительно характерны для Матьеза, который, будучи лучшим знатоком фактической истории Французской Революции, оказывается детски-слабым и беспомощным, когда дело доходит до социологических оценок и выводов. Достаточно сказать, что этот бывший член Французской компартии и поныне считающий себя марксистом, настолько хорошо знает Маркса, что приписывает ему... железный закон заработной платы! (A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p. 102).

⁴ A. Mathiez. „La Révolution Française“, t. III. „La Terreur“. 1927.

⁵ Текст этих декретов смотр. в „Histoire parlementaire de la Révolution“ Buchez et Roux, t. XXXI, p.p. 311-313.

⁶ A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p.p. 612-613.

⁷ „Annales Historiques de la Révolution Française“, 1927, p.p. 3-4. Статья „Le neuf Thermidor“ de M. Barthou.

⁸ A. Mathiez. „La Révolution Française“, t. III, p.p. 200-201, 211, 212.

ствление «новой социальной революции»¹. Таким образом теперь робеспьеристы объявляются Матьезом едва ли не социалистами и во всяком случае сторонниками раздела имущества богатых контр-революционеров между неимущими «патриотами», то-есть теперь он склонен говорить о до-термидоровском перерождении якобинцев уже не вправо, а влево.²

Но если так, то совершенно ясно, что переворот 9-го термидора должен был быть произведен никем иным, как буржуазными элементами, испугавшимися решительного поворота робеспьеристов влево. Вот почему, в явное противоречие с прежде цитированным местом о нейтралитете—и притом нейтралитете, враждебном Робеспьеру—рабочих во время переворота 9-го термидора. Матьез пытается доказать, что рабочие в этот день поддерживали Робеспьера и Коммуну. В то время,—говорит он в третьем томе своей «Французской Революции»,—как «торговцы из секции Ломбар, банкиры из секции Лепелетье, спекулянты из Пале-Рояля и богатые буржуа из западных секций сбегались на зов Конвента»³, рабочие секции юга и востока и ремесленные секции центра становились на сторону Коммуны⁴. Эта же самая мысль повторяется и в статье „Le maximum des salaires et le Thermidor“⁵. Но договорившись таким образом до утверждения, противоречащего не только его собственным словам, но и всем известным фактам⁶, Матьез скоро снова впадает в новое противоречие с самим собой, когда оказывается вынужденным признать, что секция Гравилье, то-есть одна из наиболее рабочих секций Парижа, в лице своей национальной гвардии приняла самое выдающееся участие в борьбе с робеспьеристами в день 9-го термидора⁷. Это заставляет его отметить, что «повидимому парижское население, даже в наиболее демократических кварталах, лишь довольно слабо поддерживало Коммуну»⁸, что Матьез далее вполне правильно объясняет дорогостоящей и существованием максимума заработной платы⁹. И поэтому Матьез восклицает:

«Трагическая ирония! Робеспьер и его партия гибли в значительной степени потому, что хотели использовать террор для нового перераспределения собственности. Эгалитарная республика без богатых и бедных, которую они мечтали установить на основе вантозовских законов, вместе с ними оказывалась пораженной на смерть. Но несознательные санкюлоты уже скоро пожалуют о «проклятом максимуме» и тщетно восстанут ради его возвращения» (Курсив наш. Я. З.)¹⁰.

Такое же точно объяснение несознательностью рабочего класса его поведения в день 9-го термидора Матьез дает и в своей „Vie chère“¹¹.

Прижатый к стенке противоречиями между своими двумя теориями о смысле «термидора» и вынужденный искать спасения в объяснении поведения рабочего класса в день 9-го термидора его несознательностью, Матьез не удерживается однако на этой более чем рискованной для «марксиста», каким он себя считает, позиции и пытается выйти из заколдованного круга противоречий отказом от обеих теорий, или, точнее, их диалектическим примирением в виде третьей теории. Эта третья теория о «термидоре» находит себе место в тех же самых работах Матьеза, то есть в „Vie chère“, третьем томе «Французской революции» и в статьях „Annales Historiques de la Révolution Française“. Сущность этой теории заключается в том, что весной 1794 г. робеспьеристы не совершают поворота ни вправо, ни влево, а пытаются своей политикой удовлетворить все недовольные элементы страны, исключая, само собой разумеется, элементы явно контрреволюционные. «Каким образом, говорит Матьез, Комитет (Общественного Спасения. Я. З.) мог провоздвигать твердую классовую политику, когда, начиная с Жерминаля, он ставил себе целью удовлетворить все интересы?»¹². Именно этим,

¹ Ibidem, p. 200.

² Соответственно этому Матьез, в полном противоречии с тем его заявлением о направлении продовольственной политики весны 1794 года, которое мы цитировали выше, утверждает, что в это время робеспьеристы отнюдь не помышляли об отказе от своей прежней продовольственной политики. Более того, закон 8 мессидора об учете будущего урожая Матьез рассматривает как „крупный шаг по пути к потребительскому коммунизму“ („Vie chère, p. 580).

³ A. Mathiez. „La Révolution Française“, t. III, p. 220.

⁴ Ibidem, p. 219.

⁵ „Annales Historiques de la Révolution Française“, 1927, p. 151.

⁶ См. в нашей книге „9-ое термидора“ стр. 78-80 анализ документов, характеризующих поведение парижского рабочего класса в день 9-го термидора.

⁷ A. Mathiez. „La Révolution Française“, t. III, p. 221.

⁸ Ibidem, p. 221.

⁹ Ibidem, p. 221.

¹⁰ Ibidem, p. 222.

¹¹ A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p. 606.

¹² A. Mathiez. „La Révolution Française“, t. III, p. 175.

по мнению Матьева, объясняется продовольственная политика весны 1794 года, задачей коей являлась равная защита интересов как производителей, так и потребителей¹. Целью Робеспьера в это время является «примирение всех добрых французов», и именно этой задаче должен был послужить придуманный им праздник в честь Верховного Существа².

Само собой разумеется, что эта новая, третья по счету, точка зрения Матьева на характер робеспьеровской политики весны 1794 года приводит его и к совершенно новым выводам по вопросу о движущих силах контрреволюции 9-го термидора. Если при первой точке зрения он этот вопрос вообще обходил, а при второй — единственной движущей силой переворота 9-го термидора объявлял крупную буржуазию, то теперь, став на почву третьей точки зрения, Матьев вынужден признать, что число недовольных политикой Робеспьера элементов было чрезвычайно значительно.

«Крестьяне, замученные реквизициями и повинностями; рабочие, истомленные хроническим недоеданием и стремившиеся к достижению уровня заработной платы, которого закон не допускал; торговцы, наполовину разоренные налогами, рантие, экспроприированные обесценением ассигнатов — таковы элементы, под покровом внешнего спокойствия таившие глубокое недовольство»³. Таким образом на стороне робеспьеристов оставалась одна только городская мелкая буржуазия, но и она разорялась системой максимума⁴, да к тому же и потеряла свое бывшее значение вследствие произведенной робеспьеристами бюрократической реорганизации парижских властей⁵. Наконец, все классы равно устали от террора⁶, и «общее отвращение к крови было без всякого сомнения лучшей приманкой в игре противников Робеспьера⁷. «Единственными выигравшими от режима оказывались многочисленные агенты новой бюрократии и фабриканты, работавшие на оборону»⁸.

Мы полагаем, что из всех выдвинутых Матьевом в объяснение «термидора» теорией только эта последняя стоит на правильном пути и, несмотря на спорность некоторых отдельных положений, дает правильный ключ к пониманию термидорской проблемы. В самом деле, обе теории до-термидоровского перерождения — как правого, так и левого — страдают, не говоря обо всем прочем, уже тем капитальным недостатком, что решительно противоречат фактам. Ибо если стать на точку зрения правого перерождения, то каким образом объяснить вантозские законы (о которых, кстати сказать, Фридлянд, Шеголев и Добролюбовский почему-то совершенно умалчивают), и такой явно левый шаг, как закон 22 прериаля, текст которого почти дословно совпадает с некогда выдвинутым Шометтом предложением о расширении закона 17-го сентября 1793 года о подозрительных? Да и как можно говорить о намерении робеспьеристов стать на путь отмены закона о максимуме (а именно об этом и говорят сторонники теории правого перерождения), когда наряду с приводимыми в доказательство этого тезиса декретами, мы имеем и декрет 8 мессидора, содержащий наоборот полное признание и даже расширение действия закона о максимуме?

С другой стороны, теория Матьева о левом перерождении, основанная на факте издания законов 8 и 13 вантоза, совершенно игнорирует те несомненные и значительные уступки крупной буржуазии и кулацкому крестьянству, которые были сделаны робеспьеристами весной 1794 года и которые совершенно правильно подчеркивают в их рассуждении сторонники теории правого перерождения. Таким образом, теория левого перерождения так же противоречит фактам, как и теория перерождения правого, и один только отказ от всяких разговоров о перерождении и признание стремления якобинского правительства к удовлетворению всех недовольных элементов страны, как правых, так и левых, могут дать удовлетворительное объяснение социально-экономической политики весенних месяцев 1794 года.

Такое понимание политики робеспьеристов весной 1794 года⁹, кроме его соответствия фактам, обладает еще и тем достоинством, что оно и только оно может быть согласовано с общепринятым марксистским взглядом на Великую Французскую Революцию вообще и якобинскую партию в частности. В самом

¹ A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p. 571.

² Ibidem, p. 570.

³ A. Mathiez. „La Révolution Française“, t. III, p. 173.

⁴ Ibidem, p. 172.

⁵ Ibidem, p.p. 166-167.

⁶ Ibidem, p. 209.

⁷ Ibidem, p. 209.

⁸ Ibidem, p. 173.

⁹ Именно это понимание и развито в нашей книге „Девятое термидора“, к коей мы за подробностями и отсылаем читателя.

деле — политика весны 1794 года, то-есть политика колебаний между буржуазией и рабочим классом есть типичная политика мелкой буржуазии, столь характерная для якобинцев на всем протяжении их деятельности. Поэтому для понимания якобинской политики весны 1794 года нет ровно никакой необходимости говорить о наступившем в это время их перерождении. Напротив того, политика якобинцев весной 1794 года есть не что иное, как полное продолжение их политики предыдущих месяцев и лет. Если основные особенности этой политики получают в это время более яркие очертания, то это объясняется объективными условиями этого периода революции, приведшими к исключительному обострению классовых противоречий, следствием чего был и особенно сильный размах обычных колебаний якобинцев.

Великая Французская Революция объективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю; а субъективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия. Ниспровержение мелкобуржуазной революционной диктатуры лежало, таким образом, в логике самой революции, ибо налицо было несоответствие между объективными задачами революции и ее основным субъективно классовым фактором»¹. После победы революционной Франции над внутренней и внешней контрреволюцией, дальнейшее продолжение якобинской диктатуры не только делалось уже излишним, но и решительно препятствовало бы осуществлению объективных задач революции, и поэтому после победы при Флерюсе якобинское правительство было неизбежно осуждено на гибель.

Если таковы были объективные предпосылки «термидора», то экономическая политика якобинцев создавала к нему и предпосылки субъективные в виде недовольства существующим строем со стороны всех классов страны за исключением (да и то неполным) одной только городской мелкой буржуазии². Вполне, повидимому, сознавая это недовольство, робеспьеристы весной 1794 года пытаются частичными уступками удовлетворить всех недовольных и вся их противоречивая политика этого времени представляет не что иное, как попытку такого удовлетворения. Вряд ли нужно добавлять, что попытка эта была заранее осуждена на неудачу и не отделяла, а ускоряла наступление неминуемого взрыва. «В обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, не может быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, то-есть как раз к такой средней линии»³.

Итак, для понимания сущности «термидора» нет ровно никакой необходимости говорить о каком-то до-термидоровском перерождении якобинцев, и все разговоры о таком являются либо результатом непонимания истории Великой Французской Революции, либо сознательным подтасовыванием фактов в интересах фракционной борьбы. Исторический «термидор» был не эволюцией (или, вернее, контрреволюцией), подготовленной всем предыдущим ходом событий Великой Французской Революцией, и «термидорианское перерождение», начавшееся не до, а после 9-го термидора, было вместе с тем не его причиной, а следствием⁴. Таков вывод, к которому приводит нас рассмотрение новейших теорий по вопросу о «термидоре».

Работы, на которые ссылается автор

А.Матьез. Термидорианская реакция

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

Ц.Фридлянд. Девятое термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf

К.Добролюбский. Термидор (полный текст монографии)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book

П.Щеголев. После термидора:

очерки по истории термидорианской редакции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf

П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf

Н.Устрялов. Путь термидора

<http://www.hrono.ru/statii/ustryal03.html>

* * *

Я.Захер. Девятое термидора

http://pylippel.newmail.ru/bibliotheque/zacher_t.html

* * *

А.Собуль. Проблемы труда во II году Республики.

Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_therm.pdf

*Е.Киселева. К вопросу о продаже национальных имуществ
(накануне 9 термидора)*

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_propri.pdf

*Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области
регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 года*

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_max.pdf

Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kisel_therm.pdf

*Е.Таланян. Переворот 9 Термидора глазами
члена Комитета общественного спасения*

http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm

В.Колоколкин, С.Моносов. Что такое термидор

http://narod.ru/disk/8364910000/thermidor_monosov.pdf.html

*В.Согрин. Революция и термидор: к исторической типологии
общественно-политического процесса в России 90-х годов*

http://vive-liberta.narod.ru/journal/sogrin_thermidor.pdf

Д.Бовыкин. Термидор, или Миф о конце Революции

Д.Бовыкин. Термидор: старые проблемы и новые споры

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/dbov.pdf>

Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm

Б.Бачко. Как выйти из террора

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/157645.html

Еще материалы, посвященные Термидору

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm

Другие работы Я.Захера

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jz>